

УДК 316.75

Е.И. Тарутина

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ, ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ
И ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ**

В статье рассмотрены возможности философской рефлексии для анализа важнейших форм взаимодействия идеологии (идеологических концептов) и здравого смысла. Актуальность такого рода размышления над феноменом идеологии определяется комплексом эпистемологических и социально-политических факторов.

Ключевые слова: здравый смысл, идеология, идеологический концепт, концептуализм, философская рефлексия, философский язык.

IDEOLOGICAL CONCEPTS, COMMON SENSE AND PHILOSOPHICAL REFLECTION

The article presents the possibilities of philosophical reflection to analyze the most important forms of the interaction between the ideology (ideological concepts) and common sense. The relevance of these type of reflections on the phenomenon of ideology is determined by the complex of epistemological and socio-political factors.

Key words: common sense, ideology, ideological concept, conceptualism, philosophical reflection, philosophical language.

Одной из особенностей существования современной российской философии является нарушение циркуляции философских идей в обществе. Вопрос о том, насколько она участвует (и может ли вообще участвовать) в обсуждении современных вопросов, насколько ее язык проработан и приспособлен для развертывания живой мысли, представляется нам чрезвычайно важным.

В данной статье реализуется попытка раскрыть возможности философской рефлексии при содержательном анализе важнейших форм взаимодействия идеологии (точнее – идеологических концептов) и здравого смысла. Актуальность такого рода размышления над феноменом идеологии определяется комплексом эпистемологических и социально-политических факторов, о которых и пойдет речь.

Поскольку в советский период социальный статус философии обеспечивался наличием жесткой связи ее с властью и догматической идеологией, вполне естественно, что с разрушением старого государственного уклада (отменой цензуры, либерализацией общественной жизни и т.п.) место философии в обществе изменилось. За последние четверть века изменилась и сама российская философия. В немалой степени это результат снятия идеологического барьера, на десятки лет отгородившего ее от русской немарксистской и современной западной философии. Возникла острая необходимость в уточнении понятий философского языка, особенно в части, связанной с проблемами социально-философского характера, точнее, – с идеологией.

Существует множество определений понятия «идеология». Остановимся на одном из них, приведенном в «Современном философском словаре». Оно включает три момента. Во-первых, раскрывается содержание: «Идеология – понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций» [1, с. 405]. Из этой части определения явно видно, что идеология имманентна обществу, что оно не может существовать без всего комплекса или, по крайней мере, большинства перечисленных явлений. А следовательно, лозунг «деидеологизации», навязанный нашему обществу западными советчиками, приобретает свой реальный смысл – решение узкополитической задачи борьбы с советской идеологией. Поэтому утверждения политиков об отсутствии идеологии всегда эту идеологию скрывают, она есть, хотя не явлена, однако общество рано или поздно обнаруживает ее истинный смысл.

Далее в этом определении указана социальная роль идеологии, которая «исходит из определенным образом познанной или «сконструированной» реальности [1, там же].

Таким образом, любая идеология – всегда конструкция из элементов, содержащихся в повседневности в потенциальном, зачаточном виде. Повседневное сознание наполнено предрассудками, консервативно-традиционными убеждениями, страхами перед шокирующими событиями. Всё, что неповторимо, всё, на что не найдено ответа, скрывает угрозу нарушения жизненных циклов, смену образцов и норм. Абсолютное большинство людей получает устраивающее их объяснение тревожащего и непонятного в изменениях социальной действительности из внешних источников, к числу которых нужно в первую очередь отнести такие трансляторы идеологии как СМИ, систему образования, ближайшее окружение (реферативную группу). Будучи освоенными повседневным сознанием, идеологические цели и ценности перестают осознаваться как внешние, однако полного слияния идеологии и его образа в сознании рядовых граждан не происходит. Идеология обычно оказывается освоена не как система, а как набор идеологических концептов. Социально-политический (или шире – социальный) концепт – это порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать определенным условным правилам.

Третий компонент анализируемого определения – идеология «ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [1, там же]. Идеология всегда имеет смысл как инструмент пастыря: собрать людей и направить в определенное русло их помыслы и дела. Важнейшие свойства всех идеологий:

во-первых, они выводят человека из мира обыденности, раскрывают перед ним горизонты, перспективы, во-вторых, – указывают на трансцендентное, вносят в жизнь высший смысл, воодушевляют высокими целями.

Этот третий компонент определения идеологии побуждает рассмотреть идеологический потенциал философии. В обычных условиях бесконечное многообразие отдельных явлений познается человеком наглядно и в конкретных формах; отображение реальной действительности происходит посредством чувств и рассудочных понятий. Поскольку такое созерцание мира неустойчиво и выражается бесконечным множеством частных суждений, философия переводит разрозненные знания в некие универсальные и постоянные понятия, обладающие свойством стабильности по отношению ко всяким изменениям. Универсализация философского мышления позволяет прибегать к таким отвлеченным приемам, когда единичное мыслится в форме всеобщего, а всеобщее в форме единого. Способность к философствованию заключается именно в познании единого во многом и многого в едином.

Философская рефлексивность – это способность философа обобщать данные отдельных конкретных наблюдений и занимать по отношению к этим данным отстраненную, сугубо мыслительную позицию. Важно то обстоятельство, что эта отстраненная, рефлексивная позиция невозможна без индивидуального личного усилия. Твердая приверженность определенным нормам возвышает над обыденностью, не отнимая возможности жить в повседневном мире. И хотя со времени своего возникновения философия превращается в теорию, в набор специфических приемов и методов анализа, тем не менее следует помнить именно о конкретной, личной рефлексивной способности, которую демонстрирует человек.

Наверное, потенциальных читателей философских текстов сейчас в России больше, чем когда-либо раньше, учитывая высокий уровень образованности народа. Но в ситуации разброда и полного отсутствия жанровых и содержательных правил порождения текстов, часто вообще непонятно, каков объем используемых авторами понятий, зачем ими вводятся новые понятия, которые подчас имеют неясное, расплывчатое содержание. Примером затрудненного понимания мысли автора из-за социокультурных различий употребления понятий может послужить понятие «национализм».

В международной лексике (и западной, и восточной) смысл понятия одинаков: национализм – привязанность к своей нации, не обязательно предполагающая неприязнь к другим народам. В отечественной же традиции советского периода было принято видеть только негативное содержание национализма, рассматривать его как антипод интернационализму. Расхожая фраза «Патриотизм – это любовь к своему народу, а национализм – ненависть к другим» теряет смысл, если негативное понимание национализма переместить в понятия «национальное высокомерие», «национальный эгоизм», «шовинизм» и т.д. Если мы хотим, чтобы нас правильно понимали в международных дискуссиях, это стоит сделать. Но для внутреннего употребления уже нужно уточнять, в каком смысле употребляется данное понятие. Был эпизод, когда в телеинтервью западным журналистам президент охарактеризовал второе лицо в государстве фразой «он такой же националист, как и я». Старшее поколение страны испытало чувство недоумения.

Данный пример – лишь один из множества ему подобных. Так, здравый смысл и культурные традиции встают на пути либералистских концептов «толерантность», «сексизм», «мультикультурализм» и т.п.

В жизни сознания происходит постоянная динамика повседневного и идеологического. В спокойные времена все заполняет повседневность, а идеология остается профессиональным делом узкой группы интеллектуалов. Во времена бурных перемен идеологии выходят на первый план, оттесняя соображения и ценности повседневности. Достаточно исторических и современных примеров, когда люди, следуя определенным идеям, поступают вопреки собственным интересам. Таковы, на первый взгляд, поведение советских людей в период перестройки, поведение жителей Ливии в период «арабской весны» и др. Смена политического режима принесла большинству из участников тех событий ощутимые материальные потери. Это можно было бы назвать «коллективным сумасшествием», если бы было однозначно доказано, что поведение людей всецело предопределяется материальными целями и интересами. «Все ценностные идеи, развиваемые идеологиями, могут вдохновлять, воодушевлять, восторгать или вводить в состояние экзальтации, но одновременно каждая из них вмещает отказ: отказ от жизни и здоровья, от материального благополучия и удовольствия, от обыденно понятой доброты и справедливости – ради того, что выше, сильнее, значимей всех этих «низких вещей» [2, с. 12].

Концепты социально-политической сферы развиваются динамично в соответствии с историческим процессом в стране и в мире (например, концепт «глобализация») и так же преходящи, как исторические события. Концепт ограничен сознанием носителя языка. Из суммы индивидуальных

концептов (общих совпадений содержательного значения) складывается концентрированное концептуальное содержание, фиксируемое в словаре.

«Концепт трехкомпонентен, включает ценностный, образный (эмоционально-чувственный и образно-метафорический) и понятийный или фактуальный компонент, который хранится в вербальной словоформе в сознании. Два других компонента (ценностный и образный) невербальные, их можно описать и интерпретировать» [3, с. 129]. Наличие общего для данного времени смысла концепта приводит иногда к трансформации исходного вербального его обозначения под влиянием ценностного и образного компонентов (так, понятие «спекуляция», имевшее негативно-оценочный смысл, вытеснено нейтральным экономическим термином «коммерция»).

Термин «концепт» в философии не нов. Он сформировался в эпоху средневекового концептуализма, основоположниками которого были П. Абеляр, У. Оккам и др. Концептуализм рассматривал концепты как универсалии, которые обобщают признаки вещей и созданы разумом для его внутреннего употребления, фокусируя в себе важную и актуальную информацию. В нашем случае, говоря об идеологических концептах, мы будем иметь в виду отдельные структурные элементы идеологии.

Российские идеологи охотно используют концепты западных социальных теорий, поскольку они обозначают различные стороны модернизированного общества, смысл их интернационален. И вместе с тем ощущается, как российская реальность переплавляет многие западные представления в нечто другое. Так произошло с идеологическими концептами «демократия» и «приватизация», превратившимися на уровне повседневной речи в «дерьмократию» и «прихватизацию». Культурное различие в содержании идеологических концептов приводит к взаимному непониманию и в политических дискуссиях, и в научных спорах.

В отличие от повседневного сознания политическая или религиозная идеология акцентирует внимание на крайностях, делает эти крайности ключевыми. Избрав одну из противоположных позиций своим принципом, идеология всячески противопоставляется второй позиции, ведет к разрушению того, что за ней стоит. «Если ценностное повседневное сознание являет собой континуальную сторону идейной жизни, то идеология – дискретную и дихотомическую» [2, с. 14].

Общность философского и обыденного знания проявляется и в известной близости философского и обыденного языков. Язык философии в целом ближе к живому, естественному языку, чем язык специальных наук. Как известно, философские категории формируются в ходе развития культуры и воплощаются в структурах обыденного языка. Философия эксплицирует, систематизирует, углубляет смысл своих понятий, но не устраняет их общий, обыденный смысл.

Одна из обычных задач философа – проработка категориального аппарата, уточнение используемых понятий. Философский язык – это часть общенационального языка, но он имеет свою специфику. В отличие от обыденного языка, который вырабатывается спонтанно в ходе бытового общения, философский язык сам по себе не вырабатывается, для этого требуется осознанная работа – перевод, расшифровка, истолкование. Д.С. Лихачев в статье «Концептосфера русского языка» пишет: «я полагаю, что концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения («алгебраическим выражением» или «алгебраическим обозначением»), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т. д.)... какое из словарных значений замещает собой концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда даже из общей ситуации. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека.» [4, с.281].

Как и у понятия, у концепта есть претензия на всеобщность и объективность. Но в отличие от понятия эта претензия концепта связана с конкретным контекстом применения. Концепт представляет собой парадоксальную структуру «особенного всеобщего» (В.С. Библер). Как и понятие, концепт нуждается в обосновании. Но если понятие требует универсального обоснования, то концепт исходит из обоснования, сочетающего всеобщее с особенным, – например, неотменяемые универсалии культуры находят свое конкретное воплощение в событиях, поступках, решениях повседневной жизни. Хотя философия и противопоставляет «высокую теорию» обыденно-жизейскому сознанию, это касается главным образом строгости, обобщенности и рациональности мышления, а не принципиального содержания ее интереса. В философии рефлексия является фундаментальной основой собственно философствования. Философия как форма мышления рефлексивна по определению. Она строится исключительно на абстрактных понятиях, которые имеют рефлексивную природу.

Таким образом, философская рефлексия, благодаря намеренно принятой позиции отстраненности философа в отношении мира, усиливают его способность критически упорядочивать материал внешнего мира в сознании и вводить разграничение различных уровней понимания действительности. Эта особенность философской рефлексии в полной мере может быть использована при анализе как хорошо знакомых и широко употребляемых социокультурных и социально-политических концептов, так и новых концептов, возникших в силу динамичности внутрироссийских процессов, а также в результате некритического заимствования политиками, культурологами, журналистами концептов западной культуры.

-
1. Грицанов, А.А. Идеология // Новейший философский словарь/ сост. А.А. Грицанов. – Изд.2-е, перераб. и доп. – Минск: Интерпресс, 2001. – С. 405.
 2. Давидович, В.Е., Золотухина-Аболина, Е.В. Повседневность и идеология //Философские науки.– 2004. – № 3. – С. 5-17.
 3. Крюкова, Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – Вып. № 59. – С. 128-135.
 4. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. — М.: Академия, 1997. – С. 280-287.